

В. К. Кельмаков (Ижевск)

К истории велярных аффрикат в одном бесермянском говоре*

0.1. Хотя бесермянскому наречию и посвящено специальное монографическое исследование (Т. И. Тепляшина. Язык бесермян / АН СССР. Ин-т языкознания. М.: Наука, 1970. – Далее: Яб.), одна-

---

* Данная работа была опубликована в свое время в качестве тезисов доклада в сборнике: IV симпозиум по пермской филологии, посвященный 100-летию А. С. Сидорова: Тезисы докладов / Мин-во науки, высшей школы и технической политики РФ. Сыктывкарский гос. ун-т. Сыктывкар, 1992. С. 27–31. Однако по небрежности издателей (ответственный редактор проф. А. К. Микушев, зам. ответственного редактора проф. Е. А. Игушев, ответственный за выпуск М. И. Бурлыкина и корректор М. Л. Вавилина) в ней было допущено такое количество ошибок (при весьма беглом подсчете я насчитал их свыше 130 на 3,3 страницах!), которые не только затрудняют чтение текста, но и превращают все научные положения тезисов в бессмыслицу. Для иллюстрации приведу один лишь пример. В сборнике напечатано: “Из четырех праудмуртских аффрикат (*с, *с, *з, и *з) в бесермянском диалекте фонемную функцию сохранили лишь две – палатальные ч и з...”, в то время как в оригинале рукописи значится: “Из четырех праудмуртских аффрикат (*ц, *ц, *з и *з) в бесермянском диалекте фонемную функцию сохранили лишь две – палатальные ч и з...” (подменены буквы и сняты все диакритические знаки в орфографии и транскрипции удмуртских примеров, не говоря уже о произвольной постановке запятой). И в таком ключе набрана вся работа. В целях реабилитации своих тезисов я вынужден опубликовать их повторно в том виде, в каком они были представлены редколлегии вышеуказанного сборника.

Поскольку значительная часть материалов полевой практики студентов УдГУ, на основе которых были составлены рассматриваемые тезисы, уже была опубликована мною в работе “К описательной и исторической фонетике бесермянского наречия” (Кельмаков В. К. Проблемы современной удмуртской диалектологии в исследованиях и материалах. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1992. С. 33–107), где нашли определенное отражение и затронутые в данных тезисах проблемы, считаю нецелесообразным развратить их (тезисы) до статьи.

ко описание многих явлений его фонетики, исключительно важных для освещения истории отдельных звеньев фонетической системы удмуртского языка, требует уточнения и детализации. Сказанное относится, в частности, к вопросу о перестройке системы праудмуртских аффрикат в бесермянском диалекте.

0.2.1. Из четырех праудмуртских аффрикат (*č, *č', *ž и *ž') в бесермянском диалекте фонемную функцию сохранили лишь две – палатальные ч и ž: велярные же “č и ž, как правило, переходят... в фрикативные шипящие звуки: č > š, ž > ž или реже – в мягкие аффрикаты (č > č', ž > ž')” (Яб. 130). Далее: “Аффриката č литературного языка в любой позиции в структуре бесермянского слова может быть передана фрикативным š” и “Аффриката ž свободно может быть заменена бесермянским фрикативным шипящим ž” (Яб. 131). И наконец, “те же самые удмуртские слова, в которых есть č и ž... наряду с фрикативной разновидностью их употребления, могут быть произнесены через мягкие аффрикаты”: čuk – бес. šuk ~ č'uk 'утро', tače – taše ~ tač'e 'такой', meč – meš ~ meč' 'крытой'; žuk – бес. žuk ~ ž'uk 'каша', žuy – žuj ~ ž'uj 'мох, лишайник', kanžas'kyny – kanžas'k'nə ~ kanž'as'k'nə 'споткнуться' и др. (Яб. 132).

0.2.2. Эти положения, призванные объяснить пути и способы замещения утраченных бесермянским диалектом аффрикат другими согласными, дают не совсем четкую картину взаимоотношений шелевых ш и ж, с одной стороны, и палатальных аффрикат ч и ž, с другой, выступающих в качестве современных субституттов велярных č и ž: (1) то ли велярные фрикативные и палатальные аффрикаты находятся в отношении свободной альтернации друг с другом в речи одних и тех же лиц; (2) то ли одни носители бесермянского наречия употребляют в речи фрикативные ш и ж, а другие на той же самой территории в одних и тех же словах – аффрикаты ч и ž; то ли выбор фрикативных либо аффрикат (3) жестко регламентирован определенными позиционными условиями или же (4) имеет ареальный характер.

1. Некоторую ясность в этом вопросе вносят материалы, собранные в период полевой практики студентов по удмуртской диалектологии летом 1991 года в трех бесермянских селениях Юкаменского района Удмуртской АССР: с. Ежево (Е), дд. Шамардан (Ш) и Усть-Лем (УЛ).

1.1. Ауслautные велярные аффрикаты заместились фрикативными:

а) *č* > *ш* (как и в отдельных говорах периферийно-южного диалекта): *мэш* Е Ш УЛ 'крутой' (лит. *меč* – кукм. *мэш*, круф. *мэч*), *пуш* Е Ш УЛ 'жердь' (лит. *пуč* – кукм. *пуш*, круф. *пуч*), *пъш* Е Ш УЛ 'блоха' (лит. *пыč* – кукм. *пъш*, круф. *пъч*) и др.;

б) *ž* > *ж* (как в абсолютном большинстве других диалектов): *уж* Е Ш УЛ 'работа, труд; дело' (лит. *уж* – сред. *ужэ*; кукм., круф. *уж*) и др.

1.2.1. Интервокальная *ž* замещена фрикативным *ж* (~ *з*): *къжъ* Е ~ *кôžъ* Е 'горох' (лит. *кôжы* – сред. *кôжэ*; кукм., круф. *кôжъ*), *гужэр* Е Ш 'тень; сень' (лит. *вужер* – сред. *вужэ*; кукм. *вожэр*), *въжъ* Е Ш УЛ ~ *възъ* Е 'корень' (лит. *выжы* – сред. *выжэ*; кукм. *въжъ*, круф. *въжъ*).

Велярная *ž* в этой позиции, пережив ту же самую судьбу, что и в большинстве удмуртских диалектов, впоследствии частично включилась в бесермянский фонетический процесс *ж* > *з*.

1.2.2. Инлаутные аффрикаты *č* (в любом сочетании) и *ž* (в соседстве с предшествующим согласным) субституировались соответственно палатальными *ч* и *ж*:

а) *кочо* Е Ш УЛ ~ *коčo* Е 'сорока' (лит. *коčo* – кукм. *кошо*, круф. *кочо*), *къчэ* Е Ш УЛ 'какой' (лит. *кыče* – кукм. *къшэ*, круф. *съчэ*), *съчэ* Ш, *ъчэ* Е ~ *съčэ* Ш 'такой (тот)' (лит. *сыče* – кукм. *ъшэ*, шошм. *эчэ*, *эčэ*); *качко* (вал) Е 'лошадь' с белым пятном на лбу' (лит. *кашка* – сред. *каčка*; кукм. *кашка*) и т. д.;

б) *кэнžынъ* Е 'загореться, начать гореть' (лит. *кенжыны* – сред. *кэнжэны*, кукм. *кэнжынъ*) и др.

Немногочисленные исключения из этого правила – случаи употребления *č* в данной позиции – объясняются, по-видимому, влиянием литературного языка и северных диалектов.

1.3.1. В анлауте – в наиболее устойчивой для удмуртской аффрикаты позиции – на месте общеудмуртских велярных *č* и *ž* также выступают палатальные *ч* и *ж*:

а) *чана* Е Ш УЛ 'галка' (лит. *čана* – кукм. *шапа*, круф. *чапа*), *чэм* Е Ш УЛ 'частый, густой; часто, густо' (лит. *čем* – кукм. *шэм*, круф. *чэм*), *чън* Е Ш УЛ 'дым' (лит. *čын* – кукм. *шьп*, круф. *чъп*) и т. д.;

б) *жуанъ* Е Ш УЛ 'гореть, пылать' (лит. *жуаны* – кукм. *жуанъ*,

круф. *џуань*), *џьбь* Е 'паз' (лит. *џубы* – кукм. *жьбь*, круф. *џьбь*), *џьнь* Е Ш УЛ 'половина' (лит. *џыны* – кукм. *жьнь*, круф. *џьнь*) и др.

1.3.2. В положении перед -Гш(-) и -Гж(-) аффрикаты *č*-, *џ*-спорадически заменяются палатальными смычными *t'*- и *đ*'-, которые находятся в свободной альтернации с *ч*- и *џ*-:

а) *чош* Е Ш УЛ 'вместе, совместно' (лит. *čош* – кукм. *чош*, *t'ош*), *чџж* Ш УЛ, *чэж* Е ~ *t'ож*, *t'эж* Е 'утка' (лит. *čџж* – кукм. *чџж*, *t'џж*, круф. *чџж*), *чъжсьнь* Е Ш ~ *t'ъжсьнь* Е 'пнуть, лягнуть' (лит. *čъжсыны* – кукм. *чъжсьнь*, *t'ъжсьнь*, круф. *чъжсьнь*), *чушьнь* Е Ш УЛ ~ *t'ушьнь* Е Ш 'вытирать, утирать' (лит. *čушыны* – кукм. *чушьнь*, *t'ушьнь*, круф. *чүчнь*) и др.;

б) *џужьт* Ш УЛ ~ *đужьт*, *đузьт* Е 'высокий' (лит. *џужьт* – кукм. *џужьт*, *đужьт*, круф. *џужьт*), *џоз'он* УЛ ~ *đ'ожон*, *đ'оз'онпиз'* Е 'толокно' (лит. *џожон* – кукм. *џожон*, *đ'ожон*), *đ'уштнь* Е 'стонать, пыхтеть, охать' (лит. *џуштыны* – кукм. *џуштнь*, *đ'уштнь*, круф. *џуштнь*), *џъж* Е 'истлевший, сопревший' (лит. *џсыж* – кукм. *џъж*, *đ'ъж*, круф. *џъжь* 'изношенный') и т. д.

2. На основе собранного и частично приведенного здесь материала можно прийти к следующим (возможно, не окончательным) выводам:

а) перехода глухой аффрикаты *č* в ауслautной позиции в *ч*, вопреки мнению Т. И. Тепляшиной (Яб. 132), в рассматриваемом говоре не наблюдается (см. 1.1);

б) утрата звонкой велярной аффрикаты *џ* в аус- и инлаутной позиции (> *ж*) в бесермянском диалекте произошла, по-видимому, раньше, чем глухой аффрикаты *č* в этих же позициях, о чем свидетельствуют следующие факторы: 1) в отношении употребления *ж* на месте *џ* в указанных позициях исследуемый бесермянский говор совпадает с большинством удмуртских диалектов; 2) аус- и инлаутный *ж* (< *џ*) может быть вовлечен в сферу действия бесермянского фонетического процесса *ж* > *з* (см. 1.2.1), что в целом не характерно для шипящих более позднего (из аффрикат) происхождения (Яб. 135);

в) выбор субститутов – велярных фрикативных *ш* и *ж* или палатальных аффрикат *ч* и *џ* – при утрате бесермянским наречием твердых аффрикат *č* и *џ*, по всей вероятности, носил ареальный характер;

г) материалами ежевско-шамарданского говора не подтверждается тот обязательный характер перехода анлаутных велярных $\check{c}$ - и $\check{ж}$ - в позиции перед -Гш(-) и -Гж(-) в палатальные смычные m' - и d' - (регрессивная диссимиляция), который предписан в книге Т. И. Тепляшиной “Язык бесермян” (с. 142–144);

д) рассматриваемый бесермянский говор в отношении развития в его фонетической системе велярных аффрикат наиболее близок к отдельным периферийно-южным говорам (в частности, кукморскому и красноуфимскому).